
РОЗДІЛ 1. ФІЛОСОФСЬКІ ОСНОВИ ПРАВА ТА ДЕРЖАВИ

Ивакин А. А.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии*

СУБЪЕКТЫ ПРАВА В ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Гегель определяет право как свободную волю. Воля проявляет себя как а) воля к жизни, б) воля к власти, в) воля к познанию и творчеству (Хамитов Н. В. Философия человека: поиск пределов. – К., 1997. – С. 38). Последняя есть синтез первой и второй. Итак, воля, как нацеленность мысли и действия на обретение свободы к творчеству, в «снятом виде» содержит стремление человека к реализации всех остальных его естественных прав. Однако творчество подразумевает коллективность человеческих усилий. Все, что творит личность, она творит с помощью или посредством кого-то и для кого-то. Поэтому система права есть всегда тождество противоположностей: права индивида и права коллектива. Их противоречие внутренне содержится и периодически проявляет себя в единстве *права как права человека на человеческое бытие и права как социального регулятора человеческих отношений*. Первая форма права, взятая лишь как «в себе единичная воля субъекта» – это абстрактное право, вторая форма – это уже право как долженствование человека перед другими людьми. Но есть еще синтез первой и второй формы права. Гегель отождествляет его с нравственностью и считает, что только государство являет собой воплощение этого высшего права-нравственности.

Абстрактное право, именно в силу своей абстрактности, в силу своей отвлеченности от истинного права, «права самого по себе», есть такая воля, которая способна и к неправде и к преступлению. Человек-эгоист забывает о своей ничтожности вне общества. Поэтому мне представляется, что самым адекватным, хотя и несомненно жестоким, наказанием за тяжкое преступление на корабле является оставление преступника на необитаемом острове.

Право как мораль в силу рассудочного характера мышления, лежащего в его основании, продолжает оставаться абстрактным, ибо оно вырывает из целостной системы и абсолютизирует другой – коллективный субъект. Здесь мы видим другую крайность: подавление воли индивида как субъекта. Действует другой абстрактный принцип: «долг превыше всего». Лев Шестов пишет о том, что Брут был заложником долга: любя Юлия Цезаря, как отца, он, тем не менее, принимает участие в его убийстве, потому что долг требует от него устранения того, кто покушается на свободу римского народа. И Брут исполнил долг, хорошо при этом понимая, что старая форма правления полностью исчерпала себя и что Риму необходим монархический строй правления.

Правда, Гегель оправдывает право-моральность, право-долженствование, уверяя, что уже в нём субъективная форма выражает не только общий, но и свой интерес. На

самом же деле точнее было бы сказать – свой собственный, субъективный интерес, но подогнанный под общий, а точнее – под общепринятый, интерес. Поэтому часто исполнение долга сопровождается насилием человека над собой. Насилие это содержит в себе и отвращение к самому себе и к тем правилам, которые насилуют слепо и покорно исполняющего свой долг. Гегель осуждает Шиллера, называя его издевку над кантовским пониманием моральности «абстрактной рефлексией», создающей «воззрение на моральность, согласно которому она существует лишь во враждебности и в борьбе с удовлетворением человеком собственных потребностей, – выставляет требование: делать с отвращением то, что велит долг» (Гегель. Философия права. – М., 1990, – С.168). Представляется, однако, что Гегель не замечает или не хочет замечать того, что подобное долженствование зачастую формируют те люди в политической или духовной власти, которые свои групповые интересы облачают в форму всеобщих интересов, тем самым обманывая остальных людей.

Итак, господствующая в праве-моральности тенденция – это предельное ограничение личной свободы. Как, например, – у монаха или солдата. Действие того и другого происходит исключительно по уставу. Очень красноречивы сами слова – «послушники», «рядовой» и т. д.

Заметим, что в наше время либеральное понимание права в своем рассудочном неистовстве доходит до противоположного абсурда, ставя на безусловно первое место волю индивида или же того или иного меньшинства. И такой беспредел (в форме политкорректности, мультикультурализма, феминизма) выдается за демократию и торжество свободы, а «значит» и права.

Правствениость, как высшая форма свободы, а следовательно, и права, выступает как единство потребности и обязанности личности. Говоря о важности для конкретного проявления свободы наличия семьи, гражданского общества и государства, Гегель, однако, считает, что «идея свободы истинна лишь как государство» (Там же, С.114)

Думаю, что Гегель, как ранее и Платон, имеет в виду не просто государство, но государство идеальное, разумно устроенное. И если эта идеальность длительное время приравнивалась критиками этих великих мыслителей к утопии, то процесс длительного развития человечества ведет к превращению этой благородной возможности в настоятельную потребность и необходимость. Всё разумное рано или поздно должно стать действительностью.

Я убежден в том, что учение о ноосфере, является законным преемником учения об идеальном государстве. В этом учении, уже более обоснованно, чем в учениях об идеальном государстве, наряду с индивидом и обществом как субъектами права (свободной воли), проявляется присутствие третьего, Абсолютного субъекта. Именно о Нём постоянно говорил своим ученикам Иисус Христос, призывая их исполнять Волю Отца Небесного. Интуиция Аристотеля, Фомы Аквинского, Гуго Гроция и других выдающихся мыслителей не подвела их, уверенных в том, что над всеми формами права возвышается Божественное право. И поэтому свободно-творческая сущность человека, реализация которой как свободной воли происходит в правовом пространстве, имеет не только индивидуальное и социальное, но и космическое, божественное измерение.

Поэтому я считаю, что самая конкретная форма права есть право на ноосферу. Свободная воля человека осуществима лишь тогда, когда она совпадает с Божественной Волей. Гениальная подсказка о сути этой Космической Воли содержится в учении П. Тейяра де Шардена о природной эволюции как о направленном восхождении сознания от точки «альфа» до точки «омега» (ноосферы), в котором важнейшая роль принадлежит феномену человека.

Сумарокова Л. Н.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Термин «юридическая логика» употребляется здесь в смысле: «область знания, сформировавшаяся в результате взаимодействия логики и юриспруденции (вариант практической логики)». Понятием будем называть устойчивое единство термина (знака) и его смыслового, предметного и прагматического значений. Системообразующим в этом единстве является смысловое значение, включающее в себя комплекс общих, существенных признаков; производным от смыслового является предметное значение, то есть класс предметов, этими признаками обладающих. Прагматическое значение связано с указанием целей, задач, ситуаций, от которых зависит способ употребления понятия, в том числе способ его введения, уточнения, понимания. Сущность определения состоит в уточнении понятия как целостности, включающей указанные выше компоненты. Определение является полным, если оно раскрывает и смысловое, и предметное, и прагматическое значения термина, а также их взаимосвязь. Частичное определение имеет место тогда, когда уточняется лишь некоторая часть перечисленных компонентов. Обычное понимание определения как логической операции, уточняющей содержание понятия, будем называть собственно определением или главным видом частичных определений. В качестве других примеров частичного определения можно назвать остенсивные определения, которые раскрывают (задают) предметное значение термина, а также номинальные определения, уточняющие исходный языковой смысл термина; этот языковой смысл может иметь прямое или косвенное отношение к предметному, смысловому или прагматическому значению термина как знака понятия. Функцией быть знаком понятия обладают далеко не все слова. Для нас существенно отметить, что определение возможно лишь там, где есть понятия. Уточнение смысла слов естественного языка, не являющихся терминами, обозначающими понятие, к определению не относится.

Главным тезисом предлагаемого выступления является утверждение о том, что взаимодействие логики и юриспруденции даже в таком частном вопросе как определение понятия, не только фактически имеет место, но и оказывается весьма полезным и перспективным для обеих взаимодействующих сфер.